

расширенно воспроизводится маховик "аннигиляции Личностного" посредством "высокомерия Личного".

Дело в том, "Ребёнок" характеризует собой такую ипостась бытования человеческого "Я", которой присуща инфантильная податливость собственным психологическим протуберанцам и мировоззренческая ангажированность авторитарными статусами "родительской опеки". В свою очередь, "Родитель", напротив, символически репрезентирует тотальную безаппеляционность и экзистенциальное (пре)небрежение "мнением и Личностью" Другого (человека).

Родительская ипостась человеческого бытия всегда нищенски менторствует от имени и по поручению сакрализованной "воли к Власти", надменно полагающей себя Истиной в последней инстанции и потому девальвирующей (инородные ей) ценностно-смысловые предпочтения других людей, как некие "детские недоразумения".

Наконец, **"Взрослый" человек представляет собой морально рафинированное "личностное" измерение человеческого существования**, исходящее не столько из "личных" и "социальных" иерархий, сколько из **авансированной всем людям без исключения, аксиоматики доверия к их этической вменяемости и человеческой самобытности**.

Присмотримся теперь к взаимоналожениям Личного и Личностного в контексте целого ряда, проблемно оформленных, событий нашего повседневного бытия.

Начнём с феномена Дружбы. С точки зрения моральных квалификаций, дружба традиционно рассматривается в качестве одного из "образцовых" вариантов человеческих отношений. Ей приписываются такие нравственные добродетели как обнажённая чуткость, бескорыстие, преданность, абсолютная доверительность и интимная душевная избранность, готовность к жертвенному соучастию в экзистенциальных тревоблениях друга.

Дружба – это всегда глубоко "личное" бытийное замыкание различных человеческих уникальностей, воспринимающих "Другого" в качестве особой "личностной вселенной", наделённой самоценными смыслами и интенциями.

Иначе говоря, самим фактом своего существования, дружба демонстрирует возможность и действительность истинно "человеческого" и "взрослого" отношения между разными людьми, соединяющего их органическими узлами "лично-личностного" двуединства. Однако, в своей "диалектической" транскрипции, дружба оказывается достаточно проблемным социальным образованием. К сожалению, за кадром этической рефлексии остаётся то обстоятельство, что дружба, как двуликий Янус, амбивалентно сочетает в себе и "Личностное соучастие" и "Личную избирательность". В силу того, что дружба неизбежно редуцирует человеческие отношения к "избранности одних" и "не избранности всех остальных", она сохраняет в девственной неприкосновенности (аморальную) дихотомию "свои-чужие" и сопутствующую ей "арифметику двойных стандартов".

Личностное (дружеское) отношение к другому Человеку как таковому, оказывается опутано "личной привязью" к отдельным людям. Личностное бытийно искрит на полустанке по имени "друг" и инерционно затухает в этикете "приличий" по отношению к "другим". Человек, как бы "выдыхается" в качестве Человека. "Дружеское (оно же "личностное") отношение" между людьми не находит своего саморазвития в отношениях с "посторонними". Последние, всего лишь, "факультативно личностны", в зависимости от наших эстетических вкусов и политических пристрастий. **Отсутствует бытийная трансценденция в пространство "неличных Личностей"**

Ещё одним примером "перегораживания личным личностного" является проблема смертной казни и сопутствующие ей сюжетные ответвления эвтаназии и абортот. В этих бытийных сферах философия отсылает к "личному" переживанию пострадавших и жертв; вкупе с эклектической окрошкой из тезисов о "справедливости, милосердии и целесообразности", призвана "одобрить", зачастую прямо противоположные друг другу, решения этих сложнейших человеческих драм.

В.А. Костенич (г. Могилев)

"ЛИЧНОСТНОЕ" ЗА БАРИКАДАМИ "ЛИЧНОГО"

Одним из формально-логических и, параллельно, "этикетных" запретов при осуществлении любой предметной дискуссии, является предостережение по поводу "перехода на Личности". Считается недопустимым и не толерантным апеллировать к, каким бы то ни было, "личным качествам оппонента", задевающим его человеческое достоинство и ценностную самоидентичность.

Безусловно, данный поведенческий императив вполне адекватен технологии обсуждения любых проблем, ибо ориентирует на максимально "объективное" и компетентное рассмотрение спорных смыслов и концептуальных событий. Дискуссия структурируется вокруг "Истины", а не в перспективе обличительных инвектив в адрес своего персонального визави. Эмоциональные контратаки по принципу "на себя посмотри..." деликатно выдавливаются "за скобки" дискуссионных медитаций, как "шлаковые отложения" наших субъективных настроений и душевных недомоганий.

Если "дидактически" пролонгировать всё вышесказанное, то правомерно было бы сослаться на известную психоаналитическую концепцию "ролевых индикаторов" человеческого "Я", описывающую выстраивание социумных отношений внутри категориальной триады "Родитель – Ребёнок – Взрослый". В этой системе ценностных координат "Родитель" и "Ребёнок", как раз и символизируют собой тот бытийный ракурс социальных контактов, в контексте которого самопроизвольно запускается и

Размышляя над этическими перипетиями морального выбора, сторонники смертной казни, эвтанази и абортов расстреливают своих "теоретических противников" убийственными вопросами о том, что каждый из них бы выбрал, коснись, эти ситуации, **непосредственно и лично** их самих или родных и близких им людей. Разве не вызывают жертвы "преступников-нелюдей" к праведному отмщению тем, кто своими бесчеловечными бесчестиями, исключил себя из сообщества "хомо сапиенс"? Разве не заслуживают истерзанные своими мучительными страданиями, безнадежно больные и умирающие люди, нашей "личной помощи" в избавлении их от бессмысленного существования? Разве не вправе беременная женщина избавиться от бремени рождения жизни, зачатой в результате насилия, совершённого над ней?

Казалось бы "риторические вопросы". Однако их опасность, как раз и состоит в том, что они подталкивают к "риторическим утвердительным ответам", маскирующим Личностную размерность самих вопрошающих, готовых софистически исключить из числа "личностей" всех тех, кто своими преступлениями или страданиями аннигилировали себя в "дочеловеческое" состояние.

В свою очередь, и возражения "против" смертной казни, эвтанази и абортов выстраиваются, подчас, исходя не из "личностного принципа", а, как бы, "на всякий случай" (разумеется, лично обусловленный). Совсем, как у Блеза Паскаля, пришедшего, в своё время, в результате очно-заочного диалога с самим собой, к выводу о том, что в Бога всё-таки стоит верить, ибо, если Бога и нет, Нам хуже не будет, а если Он всё же есть, тогда Нам это, возможно, зачтётся...

Наша "человечность" оказывается заложницей наших же опасений по поводу самих себя, как "теоретически возможных" фигурантов театральных мизансцен злодейки Судьбы. Мы оказываемся "лично против" не потому, что прозреваем в смертной казни, эвтаназии или абортах, лично саморазрушительное для каждого из нас, покушение на самую человеческую Личность, допускающую в себя "вирус родительского сомнения" о возможности "убивать на "законных" основаниях и руководствуясь соображениями справедливости, милосердия и целесообразности.

Мы "против" (всего) лишь потому, что "мы – не Боги"; потому что возможны "юридические и врачебные ошибки"; потому что возможны злоупотребления и своеволие судей и врачей; потому что, **нам лично**, хотелось бы, пусть и косвенно, не уподобляться преступникам и не примерять на себе личину Сверхчеловека, вершащего судьбы других людей.

Таким образом, Мы (частично и ханженски) "против... с гуманистическими оговорками..."

Конечно же, в любых спорах нельзя "переходить на Личности". И, тем не менее, в ситуациях морального самоопределения следует вести себя "по-Взрослому" и обязательно "переходить к Личности", разрушая барьеры и казуистику "родительски-ребячливого безличностного личного"...

И последнее. Нам представляется, что, так называемая, "реформа гуманитарного образования", минимализирующая место гуманитарных наук в системе высшего образования, фактически, аннулирует последние бастионы культивирования "личностного" в учебном процессе, генерируя поколения "специалистов", озабоченных, исключительно и, по-преимуществу, "личным" профессиональным и обывательским преуспеванием, но глухим к "человечностным" измерениям (собственного) бытия.

Реформирование "физиками лириков", осуществляемое без основательного "мозгового штурма" всем научным сообществом проблем и перспектив гуманитарного вектора образования, чревато "технократическим флюсом" в облике будущих выпускников.

Феномены личностной Чуткости, беспокойств Совеести, национальной и общечеловеческой Солидарности; драматургия ответственного самоопределения в пограничных ситуациях морального выбора, подменяются

верхоглядством и снобизмом (личных) "корпоративных этосов", латентно дезориентирующих "личностную проекцию" человеческого существования и замещающих ее симулякрами "личного нрава".

Тонкие и щепетильные "границы человеческого в Человеке" отдаются на откуп обывательскому самомнению существа, имеющего диплом о высшем (профессиональном) образовании, но не прошедшего своим сознанием, выражаясь языком Гегеля, сквозь исторические смыслополагания человеческого духа; сквозь интеллектуальное горнило сражений человеческого Разума с иррациональностями собственных мировоззренческих антиномий.

Человек получает специальное образование, но (во многом) остаётся ценностно ограниченным. Вместо "элитарности интеллигентности" мы форматируем псевдоэлитарность циников, рассматривающих себя не в зеркале "личностных" потрясений духовными безднами человеческого бытия, а через призму утилитарных поисков "хлебных ниш и личных санаториев" внутри корпоративного пространства.

"Экономия" на гуманитарном образовании, неизбежно скажется на существенном падении в обществе "личностного" потенциала Человека...